DOI: 10.17976/jpps/2017.06.02

ЕДИНАЯ ЕВРОПА ИЛИ НИКАКОЙ: ДЕГРАДАЦИЯ И МНОГОВЕКТОРНОСТЬ

Р. Саква

САКВА Ричард, профессор политических наук Кентского университета, Кентербери, Великобритания. Для связи с автором: R.Sakwa@kent.ac.uk

Саква Р. Единая Европа или никакой: деградация и многовекторность. – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 8-24. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.02

Статья поступила в редакцию: 07.07.2017. Принята к публикации: 05.09.2017

Аннотация. Кризис в отношениях между Россией и Европейским союзом является частью более масштабного процесса – демонтажа системы поддержания мира и обеспечения безопасности, сформировавшейся после завершения холодной войны. В период "холодного мира" 1989–2014 гг. эта система все чаще подвергалась проверке на прочность, а симптомы ее распада обнажились на Украине. Кризис включает в себя четыре фундаментальных взаимосвязанных процесса: логику несогласованного расширения; радикализацию монистического взгляда на Европу; неспособность разработать концептуальную или институциональную основу для более масштабного проекта европейской интеграции и последующие попытки заложить основы антигегемонного выравнивания как части зарождающегося многополярного миропорядка. Инволюция паневропейского идеализма привела к расколу и усилению устремленности к многополярности на континенте. Неоревизионизм России направлен на смягчение практики морального универсализма в том, что воспринимается как произвольное применение карательных мер, а также на учет мировых проблем при задействовании механизмов глобального управления. Развитие событий в Евразии и Большой Азии дает России шанс избежать ловушки монизма атлантической системы и сопутствующей инволюции Европы. Неспособность объединить континент сужает возможности Европы как автономного субъекта глобальной политики. Отсутствие единой Европы означает отсутствие реального участия Европы в глобальных делах.

Ключевые слова: монизм; инволюция; холодная война; "холодный мир"; плюрализм; Большая Европа; многополярность.

Можно полагать, что ответственность за создание условий для жизнеспособного и прочного мира лежала на тех, кто считал себя победителем в холодной войне. По аналогии с отсутствием истинных триумфаторов в Первой мировой войне, увенчавшейся навязанным Германии "карательным миром", что создало условия для возобновления конфликта, миропорядок после 1989 г. отражал асимметричное завершение холодной войны. Институты, поддерживавшие советский блок, были ликвидированы, в то время как система атлантической безопасности была сохранена и в конечном счете распространилась на большую часть территории своего бывшего противника. Европейский миропорядок в период после холодной войны принял монистические формы. Вместо геополитического и идеологического многообразия, к которому стремился Михаил Горбачёв, закончивший холодную войну в конце 1980-х годов, установился тихий "холодный мир", в рамках которого объединялись, расширялись и развивались институты и идеи в сфере атлантической безопасности. Монизм носил как институциональный, так и идейный характер – оба

подкрепляли друг друга в герметическом порядке, стремясь изолировать себя от критики и трансформации. Институты западной гегемонии считались универсальными, что практически исключало системные альтернативы. России отводилась подчиненная роль. Таким образом, европейский порядок после холодной войны строился на зыбком фундаменте, провоцируя цикл миметического соперничества (*mimetic rivalry*). В России в очередной раз возобладала роковая диалектика внешнего вызова и борьбы с инакомыслием внутри страны, усилившая восприятие угрозы Кремлем. Отношения России с ЕС и Вашингтоном колебались между сотрудничеством и конфронтацией вплоть до обострения конфликта в 2014 г.

МНОГОЛИКАЯ ЕВРОПА

Страны "буферной зоны", бывшие вассалы Москвы, с энтузиазмом воспользовались возможностью стать частью альтернативной системы безопасности. Для них это означало повышение статуса: уходя из-под влияния агонизирующей и все более регрессивной системы, они присоединялись к успешному и торжествующему предприятию. Однако "модель расширения" Европы в период "холодного мира" воспроизводила конкурентную политику блока, лежавшую в основе холодной войны. Вместо этого Горбачёв и его преемники продвигали "трансформационную модель", предполагавшую пересмотр мироустройства после холодной войны с целью создания всеобъемлющего и плюралистического "нового мирового порядка" на основе институциональных и идейных инноваций, в рамках которого все участники стали бы учредителями нового исторического сообщества – "Европы после холодной войны". Это можно было назвать позитивным преодолением холодной войны. Существенные инновации остались за скобками "модели расширения", вместо этого закрепившей асимметричный миропорядок, при котором логика победы (и, значит, поражения другой стороны) получила дальнейшее развитие. Негативное преодоление холодной войны создало порочную структуру стимулов, которая не смогла преодолеть логику конфликта и лишь придала ей новые формы[1].

Горбачёва много критикуют за то, что он недостаточно энергично отстаивал внешнеполитические интересы СССР в последние годы его существования, и прежде всего за то, что советский лидер не получил письменных гарантий нерасширения НАТО[2]. Эта точка зрения, похоже, упускает главное. Затеяв перестройку и продвигая идеи "нового политического мышления", Горбачёв стремился разработать политику, которая должна выйти за рамки логики внутренних репрессий и международной конфронтации [Rey 2008]. Это была идеалистическая политика, но в той ситуации она представляла собой абсолютно реалистичный ответ на фундаментальные проблемы советского общества и европейской безопасности. К 1989 г. коммунистический порядок внутри страны фактически мирно канул в Лету, холодной войне с внешним врагом также был положен конец. СССР, а затем и Россия вполне могли рассчитывать на соразмерный статус в рамках некой новой конфигурации международной безопасности в обмен на снятие ряда озабоченностей Запада в этой сфере. По крайней мере, так думал Горбачёв, и именно этого ожидали российские власти до окончания "холодного мира" в 2014 г.

[1] Это предмет моей книги [Sakwa 2017], ряд фрагментов которой содержится в настоящей работе.

[2] Обсуждение см. в [Sarotte 2014] и [Sarotte 2009].

После завершения холодной войны перед Европой открывались два принципиально разных пути. Первый заключался в реализации предложенной Горбачёвым, а также рядом пацифистских и антиимпериалистических движений Запада, политики преодоления и создания "Большого Запада". В основе этой модели лежит подлинно плюралистическая Европа, состоящая из ЕС, России, Турции и территорий, находящихся между ними, а основой объединения становились бы углубляющиеся институциональные и другие паневропейские связи [Sakwa 2010: 21]. Таким образом, "малый" ЕС *('smaller' EU*) расширялся бы в рамках подлинно плюралистической "более широкой Европы" при параллельном формировании некоей "Большой Европы" путем особого институционального партнерства с Россией и другими странами, включая Турцию [Громыко, Федорова 2014][3]. Эта идея была не только советской или российской, но и перекликалась с традиционными общеевропейскими представлениями, переформулированными в терминах "европейской конфедерации" [Grachev 2008][4]. Атлантический альянс вполне мог сохраниться, но в новых формах, на этот раз в рамках обязательства по построению всеохватывающего и справедливого панъевропейского сообщества как одного из столпов нового континентализма. Этот проект предполагал трансформацию исторического Запада в Большой Запад, одним из основателей которого стала бы Россия, сделав ставку на его увековечение. Большой Запад заложил бы основу для развития европейской системы суверенных государств, в рамках которой некоторые объединялись бы в более глубокие региональные структуры (в частности ЕС), а другие участвовали бы на выборочной основе (Россия, Турция и в конечном счете даже Великобритания). При таком сценарии железный занавес ушел бы в прошлое, а трения между различными формами ассоциации были бы сняты. Анахронизмом стала бы сама идея дилеммы безопасности в Европе.

Сценарий создания Большой Европы предполагает переход от представлений о Европе, ориентированной только на Брюссель, к панконтинентальной форме единства, опирающейся не только на идею Горбачёва об общеевропейском доме, но и на давние голлистские идеи Большой Европы от Лиссабона до Владивостока[5]. В самом радикальном варианте это повлечет за собой роспуск НАТО, демонтаж атлантической системы безопасности и создание симметричной и плюралистической Европы. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) станет стержневым органом безопасности, возможно, при создании Совета европейской безопасности, обсуждавшегося в начале 1990-х годов. ЕС умножит свои обязательства в сфере обороны по мере того как Европа станет больше отвечать за собственную безопасность и постепенно отделится от единого атлантического сообщества. Ассоциирование с США в сфере безопасности станет излишним, поскольку Европа будет сама контролировать свою судьбу, хотя и продолжит тесно взаимодействовать с США. Этот орган Большой Европы олицетворяет "интеграцию интеграций", которая соединит то, чем теперь стали ЕС и Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), и организует как процесс, так и эмбриональ-

[3] Критику см. [Zwolski 2016].

[4] О Союзе Европы позже говорил и Николя Саркози, а также упоминалось и в докладах Валдайского клуба.

[5] Gorbachev M. *Europe as a Common Home.* Address to the Council of Europe. 06.07.1989. URL: https://chnm.gmu.edu/1989/archive/files/gorbachev-speech-7-6-89_e3ccb87237.pdf (accessed 15.08.2017).

ные институты, под эгидой которых мог бы объединиться континент. Таким образом, у Евросоюза появится возможность выйти из инволюционного тупика, порожденного тянущейся вовлеченностью ЕС в атлантическую систему.

Второй путь (по которому в итоге пошла Европа) предполагал реализацию политики расширения преобладавшего на тот момент представления о миропорядке, что имело ряд сугубо отрицательных последствий. Атлантический блок расширился до границ России, Договор по ПРО 1972 г. был в одностороннем порядке аннулирован в 2002 г., а элементы противоракетной обороны были размещены в Восточной Европе. ЕС стал частью единой "Большой Европы", расширявшейся к границам России неопосредованным образом, что спровоцировало динамику сопротивления и в конечном итоге привело к конфликту[6]. Были приняты паллиативные меры, включая создание Совета Россия – НАТО и различные планы ЕС по смягчению "отчуждения России", в том числе "четыре общих пространства" и "Партнерство для модернизации".

Второй путь представлял собой нестабильное сочетание двойственных идей, которое в конце концов рухнуло под тяжестью собственных противоречий. По сути, он предполагал продолжение холодной войны иными способами. Это был период "холодного мира", который на самом деле являлся "миметической холодной войной", сохранившей аргументы и институты холодной войны при отрицании факта, что конфликт был неразрывно связан с самим актом расширения [Sakwa 2013: 203-224]. Сам термин "единая и свободная Европа", сформулированный в Парижской хартии для новой Европы, стал инструментом в нормативном оспаривании[7]. Как и период между двумя мировыми войнами, это был еще один "двадцатилетний кризис", в ходе которого не была решена ни одна фундаментальная проблема европейской безопасности [Sakwa 2008].

Это привело к напряженности, как и в годы накануне Второй мировой войны, предсказуемо закончившейся открытым конфликтом. Российско-грузинская война 2008 г. стала первым симптомом того, что на континенте по-прежнему случаются вооруженные конфликты между европейскими государствами. Но это столкновение стало лишь предвестником еще более серьезного кризиса на Украине в 2014 г. Провозглашение "смерти Европы" выглядит оправданным в том смысле, что стремление создать новый объединенный континент, заявленное в конце холодной войны, потерпело фиаско, а континентальная Европа из субъекта собственной истории снова превратилась в площадку для конкурирующих глобальных амбиций[8]. И хотя вопрос названия новой эпохи конфронтации после "холодного мира" активно обсуждается, растет общее понимание того, что это новая холодная война, хотя и не повторение прежней холодной войны [Cohen 2017; Legvold 2016]. В конечном итоге не столь существенно, назовем ли мы это "новой холодной войной"[9] или чем-то еще, нашему поколению куда важнее признать полный провал попытки создать устойчивый и прочный европейский мирный порядок. Мы

[6] Последние исследования см. [Charap, Colton 2017] и [De Ploeg 2017].

[7] *Charter of Paris for a New Europe 1990.* URL: https://www.oscepa.org/documents/all-documents/documents-1/historical-documents-1/673-1990-charter-of-paris-for-a-new-europe/file (accessed 15.08.2017).

[8] Sakwa R. The New Atlanticism. – *Valdai Paper No. 17.* Moscow, Valdai Club, May 2015. URL: http://www.scribd.com/doc/266515275/The-New-Atlanticism (accessed 15.08.2017).

[9] Убедительные аргументы, свидетельствующие об устаревшем характере этого термина и его ошибочном использовании можно найти в исследовании [Monaghan 2015].

утверждаем, что после окончания холодной войны Евросоюз деградировал; иными словами, родившийся в скорлупе атлантизма ЕС остался запертым в ней, зачах и оказался неспособным к фундаментальному эволюционному развитию. Несомненно, в годы "холодного мира" Евросоюз проделал большой путь, но он не только делился полномочиями со своими государствами-членами (об этом много написано в научной литературе); куда менее изучен эффект атлантических ограничений. Отказ от Большой Европы или какого-либо другого конструкта усилил монистическую интерпретацию конца холодной войны как единственного триумфа особого типа западной современности. Затем монистическая атлантическая система расширилась, вобрав в себя существующие структуры и идеи, а также отказавшись от трансформационного в*и*дения, обозначенного в конце холодной войны Горбачёвым и последующими российскими лидерами. Именно эта монистическая система сейчас преобладает в Западной Европе.

ЕВРОМОНИЗМ И ИНВОЛЮЦИЯ

Малая Европа является монистической в той степени, в которой она не допускает легитимной альтернативной основы для европейского развития. Несмотря на то, что ЕС претендует на то, чтобы считаться постмодернистским феноменом, эти притязания облечены в упаковку классического модернистского метаповествования и тем самым отрицает саму исходную претензию. Евросоюз с самого начала был монистическим проектом, хотя и глубоко плюралистичным изнутри. Притязания ЕС на нормативную универсальность означают, что его взаимодействие с соседями является частью трансформационного проекта с целью сделать их более похожими на себя. Практическая политика Евросоюза содержит здоровую дозу прагматизма, но она по-прежнему диктуется дидактической повесткой [Casier 2013]. В эпоху "после холодной войны" этот монизм усилился. Целью стало переустройство континента по образу ЕС.

Хотя Евросоюз скоро отказался от использования термина "расширенная Европа" в пользу номенклатуры Европейской политики соседства (ЕПС), цель оставалась практически неизменной – преобразовать соседние регионы через обставление условиями Соглашения об ассоциации и, в ряде случаев, присоединение. В принципе как "малая Европа", так и "расширенная Европа" были совместимы с типом плюралистической Большой Европы, отстаиваемым Россией, однако для этого потребовался бы институциональный и дипломатический процесс. Обеим сторонам пришлось бы найти такой "способ примирения", который позволил бы преодолеть логику конфликта, как между Францией и Германией в послевоенные годы. Преобладавший на Западе дискурс "победы в холодной войне" исключал даже признание необходимости такого примирительного процесса. России было бы достаточно трансформироваться по западным лекалам, а когда это у нее не получилось, последовала череда взаимных упреков, включая странноватый дискурс на тему "кто потерял Россию?" [Stoner, McFaul 2015].

Позиция Москвы исходит из того, что между реализацией государственной политики внутри страны и моделью поведения государства на международной арене нет сущностной связи[10]. Это один из центральных постулатов теории

[10] Обсуждение см. [Lynch 2016: 101-111].

политического реализма, который также предполагает, что теория демократического мира может препятствовать нормальным отношениям между государствами с разными типами режима[11]. Это не означает безраздельной приверженности России вестфальскому принципу суверенности, поскольку в период "после холодной войны" Россия присоединилась к ряду органов, так или иначе ограничивающих суверенитет, в частности, к Совету Европы, ВТО, и даже готовилась подключиться к ОЭСР (до украинского конфликта). Российские проблемы госуправления в рамках режима, взвалившего на себя опекунские полномочия как в области гражданского общества, так и в политической сфере и приводящего к блокированию процессов развития и осуществления политики, усугубляются нерешенными вопросами европейской безопасности и глобального порядка [Sakwa 2014]. Внутренний тупик стал как причиной, так и следствием тупика во внешней политике, причем они только усугубляют друг друга.

Россия агитирует за плюрализм на международной арене, придерживаясь принципа единоначалия во внутренних делах, тогда как монизм ЕС в международной политике уравновешивается высочайшим уровнем внутреннего плюрализма[12]. Сегодня Евросоюз обычно изображается как постмодернистская организация, соблюдающая поствестфальскую повестку универсальных ценностей, а также ряд нормативных принципов [Cooper 2003]. Эти нормы являются основой условий, на которые опираются отношения между ЕС и его внешними субъектами и соседями. Во внутренней политике Евросоюз обладает чертами неосредневекового государства, такими как дублирование юрисдикций и отсутствие единого суверенного центра [Zielonka 2006]. Однако во внешней сфере в последние годы ЕС позиционирует себя как все более жесткая пространственная конфигурация. Его внешние границы в основном регулируются шенгенскими правилами, предусматривающими единое визовое пространство для государств-участников и беспаспортное перемещение в пределах зоны. Ввиду усилившегося притока беженцев и мигрантов с 2015 г. некоторые государства приостановили действие ряда норм Шенгенского соглашения и приступили к возведению заградительных стен. На основе "Фронтекс" недавно было сформировано Агентство Европейской пограничной службы и службы береговой охраны[13]. И хотя Европа пока мало напоминает крепость, особенно в свете решения Германии в 2015 г. принять миллион беженцев из Сирии и других конфликтных зон, кризис резко ослабил напряженность между социально-экономическим и нормативным постмодернизмом, с одной стороны, и обеспечением / секьюритизацией отношений с соседями и миром, с другой. В противоречие пришли время (которое в этом контексте становится синонимом норм) и пространство.

После десятилетий расширения ЕС оказался на неизведанной территории как в символическом, так и в политическом плане [Zielonka 2008]. Динамика экспансии через присоединение теперь замедлилась, но окончательное решение отсутствует как в пространственных, так и в нормативных условиях.

[11] Разбор теории демократического мира см. [Waltz 2000: 6-18].

[12] Последствия этой сложной динамики здесь не изучаются, но в методологических терминах любой анализ потребует нередукционистского подхода: внешняя политика России не может быть сведена к требованиям предположительно неуверенной внутренней элиты; изначально слабо дифференцированная внешняя политика ЕС на восточном направлении не может признаваться эквивалентной богатому внутреннему плюрализму.

[13] О Соглашении по созданию Агентства см. *ЕС создает новый орган для защиты границ*. Доступ: https://www.unian.net/world/1384208-es-sozdaet-novyiy-organ-dlya-zaschityi-granits.html (проверено 07.10.2017).

Евросоюз остается амбициозным преобразующим агентом в условиях все более конкурентного окружения. Именно это привело ЕС к конфронтации с Россией, при том что ни одна из сторон не хотела конфликта и стремилась его избежать. Чтобы внешние границы Евросоюза не превратились в новые линии разделения, ЕС разработал разнообразные политические курсы соседства [Rumelli 2004]. Европейская политика соседства Романо Проди стала одной из наиболее креативных попыток посредничества в рамках постоянных переговоров ЕС о границах и взаимодействии с соседями [Whitman, Wolff 2010]. После массового вступления в ЕС ряда посткоммунистических стран, большинство из которых входили в состав советского блока или даже самого СССР, в 2004 и 2007 гг. характер "переговоров" изменился – процесс стал менее интерактивным (чем когда-либо ранее) и приобрел еще более дидактическую окраску. Отношения строились не на основе суверенного равенства, а по опекунскому принципу "учитель–ученик" [Prozorov 2016].

Это проявилось уже в принятой в 1999 г. Коллективной стратегии ЕС в отношении России, которая, несмотря на некоторые предшествующие контакты с российскими чиновниками, отражала крайне одностороннюю точку зрения. "Общего", "в том смысле, что они [стратегии] являются результатом взаимных консультаций между двумя партнерами", в документе было не так много, вместо этого "общее" касается позиции государств–членов [Maresceau 2004: 183]. Это в равной степени относится к предыдущему Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, подписанному в июне 1994 г., но вступившему в силу 1 декабря 1997 г., первоначально сроком на десять лет, а также Промежуточное соглашение по торговым вопросам, подписанное в 1995 г.: "Оба [документа] оказались неадекватными двусторонними инструментами в сфере регулирования отношений между двумя сторонами" [ibidem]. В первые годы официальная политика признавала, что активная позиция Евросоюза являлась краеугольным камнем стабильности в Европе, но голос несогласных был слышен с самого начала. Бывший посол СССР в Европейском сообществе Владимир Шемятенков утверждал, что "несмотря на все подсластители партнерства, это [расширение ЕС] означает фактическое исключение России (и россиян) из зоны мира, стабильности и процветания" [14]. Таким образом, политика безопасности, воспринимаемая как динамика исключения, сопровождалась аналогичным процессом в "постмодернистской" сфере. Как не оправдался расчет России на создание "Большого Запада", так потерпели крах и ее амбиции в отношении Большой Европы.

Включение большой когорты посткоммунистических государств лишь усилило дидактику ЕС. Теперь утверждалось, что в силу своих исторических отношений эти страны обладали уникальными возможностями, чтобы понимать мотивы и поведение России. Как утверждает Мария Мяльксоо, "старая Европа", по-видимому, предпочитала (по разным причинам, связанным с *Realpolitik*) продолжать ритуальную игру, при которой выстраивание Россией демократического фасада воспринималось как, по крайней мере, искреннее стремление к демократии. Между тем, "необходимость продемонстрировать опасность такой обоюдной симуляции и поколебать якобы общепринятое в странах 'ядра традиционной Западной Европы' игнорирование российского злоупотребления демократией ... стала приоритетом внешнеполитической повестки дня Эстонии сразу после вступления в ЕС" [Mälksoo 2013: 158-159]. Присоединившись к Евросоюзу и за-

[14] Цит. по [Maresceau 2004: 184].

крепившись в расширенном атлантическом сообществе, Эстония не только повысила свой статус, но и могла далее укреплять его, позиционируя себя как якобы "эксперта" по "истинному" характеру России. Конкретным проявлением этого нового дидактизма стал запуск Восточного партнерства в мае 2009 г., идеи, которую продвигали некоторые из самых решительных критиков России в Польше при содействии Швеции [Copsey, Pomorska 2014]. Несмотря на сдерживающий фактор в лице брюссельской бюрократии, Восточное партнерство олицетворяло собой нормативный вызов, принявший сугубо материальную и, в конечном счете, геополитическую форму.

Это высветило напряженность между универсалистскими устремлениями ЕС как постмодернистского нормативного проекта и его материального проявления как территориального субъекта, постоянно ведущего переговоры о физическом взаимодействии с соседями [Browning 2005]. В этом взаимодействии был использован ряд традиционных дипломатических и других инструментов в сочетании с динамикой выдвижения условий, которые регулировали контакты в духе реализма. По мере того как ЕС расширялся и охватывал посткоммунистический регион, дуализм приобретал все более очевидные очертания. Росла напряженность между нормой и пространством, которые утратили большую часть своего первоначального трансформационного импульса. Нормы были смягчены и изменены, поскольку сама обусловленность в определенных обстоятельствах стала "условной", зависящей от конкретных местных условий. Это справедливо, например, в отношении Эстонии и Латвии, где остается большое число преимущественно русских "неграждан" среди населения [Kochenov 2008]. Когда дело дошло до космоса, вместо того, чтобы преодолеть "пограничность" границ (*the 'borderness' of borders*), чего так долго добивались и добились-таки со столь впечатляющим успехом члены-основатели ЕЭС, а также с помощью спонсируемого Финляндией Северного измерения[15], Европа вернулась к еще более прочным границам. Причины были не только прагматическими, например, в целях управления потоками мигрантов и беженцев, но теперь границы стали "фронтиром" между империей надлежащего управления, всем, что считается нормативно прогрессивным, с одной стороны, и темными и дикими землями, где царят коррупция и неосоветизм, с другой.

Хельсинкский процесс рассматривается как краеугольный камень, лежащий в основе порядка в сфере безопасности периода "после холодной войны". Хельсинки фактически представляет собой несостоявшуюся мирную конференцию нашей эпохи. В отличие от Венского конгресса 1815 г., Парижской мирной конференции 1919 г. и Ялты / Потсдама 1945 г., на высоком дипломатическом уровне конец холодной войны был положен без проведения переговоров о мире. "Третья корзина" Хельсинкского Заключительного акта впервые поместила права человека в центр европейской политики. Позднее это было формально закреплено на ряде конференций и провозглашено в "Парижской хартии" в ноябре 1990 г. Хельсинкский процесс вдохновил поколение восточноевропейских диссидентов призвать их коммунистические правительства выполнять обязательства, под которыми они подписались в Хельсинки. В то время даже уступки, включенные в Хельсинкские соглаше-

[15] *Northern Dimension* – впечатляющий пример реализации трансформационной политики даже в более масштабных рамках расширяющегося Атлантического сообщества.

ния, могли рассматриваться как нечто вроде победы над СССР[16]. Рамки хельсинкских договоренностей (включая ряд последующих конференций) имели решающее значение для того, чтобы горбачевское "новое политическое мышление" пустило корни, однако триумфальный перелом продолжился в эпоху "после холодной войны". ОБСЕ была институционализирована, в частности, в виде мониторинга выборов с особым вниманием на постсоветском пространстве – этот дисбаланс подвергался со стороны Москвы резкой критике.

Эта основанная на ценностях традиция стала частью своеобразной деформации западноевропейского мышления и, в конце концов, подорвала традицию "трансформации через сближение" Эгона Бара (*'transformation through rapprochement'*) [17]. Изменение этого способа мышления стало основой западногерманской *Ostpolitik*, но, в конце концов, все это исчезло на полях Донбасса. Критическая линия морального абсолютизма особенно сильна у немецких "зеленых", одних из наиболее яростных критиков Москвы, а также у многих французских левых. Активная поддержка интервенций ставит их в один ряд с либеральными "ястребами" в США; кроме того, они, пусть и менее осознанно, придерживаются приоритетной повестки американских неоконсерваторов, считающих, что поддержание либерального международного порядка невозможно без сохранения американского лидерства. После 2014 г. это стало основой "нового атлантизма", придавшего новый импульс военному аспекту альянса и утвердившего агрессивную и герметичную внешнюю политику, базирующуюся на ценностях. "Новый атлантизм" предусматривает постоянное углубление атлантического партнерства, подкрепляемое обсуждавшимся Трансатлантическим торговым и инвестиционным партнерством (ТТИП)[18]. Дидактизм и монизм Евросоюза теперь усиливаются Атлантическим альянсом в целом. Новый идейный железный занавес снова разделяет Европу при одновременной ремилитаризации континентальной безопасности.

МОНИЗМ И МНОГОВЕКТОРНОСТЬ

По мнению Генри Хейла, политические исследования не смогли объяснить и предсказать динамику посткоммунистических обществ, поскольку пытались сделать это в рамках приближения к идеальным конечным точкам или в отдалении от них [Hale 2005]. Именно это линейное мышление лежит в основе политики расширения после окончания холодной войны. В отсутствие внешнего противника при одновременном ослаблении внутреннего сопротивления со стороны "левых" и их союзников атлантическая система радикализировалась. Она стала участвовать в различных "войнах, которых можно избежать" (*wars of choice*) за рубежом и отказалась от ряда социальных гарантий, закрепленных в период "золотого века" послевоенного государства благосостояния. После событий 11 сентября 2001 г. США стали проявлять еще большую воинственность, в то время как европейцы продолжали получать дивиденды от мирного периода после холодной войны. Вскоре системный кризис стал самоочевиден.

[16] Победный тон в связи с уступками СССР виден из рассекреченных документов британского правительства. См. Gorshkov N. Blame It All on Moscow: Secret British Government Papers Revealed. – *Sputnik*. URL: http://sputniknews.com/europe/20160219/1035004117/blame-it-on-moscow.html (проверено 15.08.2017)

[17] Речь Эгона Бара в Евангелической академии в Тутцинге 15 июля 1963 г. См. http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=81 (accessed 15.08.2017).

[18] Sakwa R. The New Atlanticism. – *Valdai Paper No. 17*. Moscow, Valdai Club, May 2015.

Проблемы, сотрясавшие западный мир после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг., вновь вывели на поверхность ортодоксальные советские убеждения в неизбежном упадке западной системы. На форуме "Валдай-2015" отмечалось, что мир находится на развилке: приведет ли нас к революционному взрыву нарастание внутренних проблем в стане лидеров и возвышение незападных центров силы, либо перемены будут медленными и системными? Нынешнее господство Запада не оспаривалось, но статус-кво подтачивают две тенденции – относительный упадок американских союзников от ЕС до Японии, а также сокращение разрыва между ними и странами БРИКС с точки зрения влияния на мировые процессы.

В документе Валдайского форума подчеркивается, что революционный слом западноцентричного мирового порядка не предопределен – шанс на путь реформ сохраняется. Взаимозависимость становится источником и давления, и уязвимости [War and Peace... 2015: 2]. Эти взгляды лишь усиливали позиции тех, кто стремился изолировать Россию от внешнего давления, создавая альтернативные рамки управления международными делами и в то же время укрепляя традиционные инструменты дипломатии и поведения великой державы. Предчувствия относительно западного упадка, вероятно, преувеличены, однако Москва активно пользуется меняющимся соотношением сил в мире с целью укрепиться во мнении, что Запад, к которому она не смогла присоединиться, это в любом случае не тот Запад, стать частью которого она хотела.

Россия долго ратовала за многополярность в мировых делах, но распад порядка, сложившегося после холодной войны, форсировал формирование этой позиции. С одной стороны, Атлантический союз укрепился и активизировался. С другой стороны, существовали признаки неравномерного, в основном только зарождающегося, но тем не менее усиливающегося подъема антигегемонистских механизмов и организаций. Их антигегемонистская направленность обусловлена тем, что они стремятся не просто противостоять либеральному международному порядку во главе с США, а превзойти монистическую логику, составляющую основу этого порядка. Другими словами, нерешенная в конце холодной войны задача – трансформация международной политики с целью урегулировать не только отдельные проблемы, но и создать новый миропорядок, который преодолел бы логику конфликта – в настоящее время решается уже не в европейском контексте, а на глобальном уровне. Это не просто многополярность, а шаг к созданию мира множественных порядков [Flockhart 2016]. Как отмечает Бобо Ло, "Кремль стремится создать альтернативную идеологическую и политическую легитимность, бросающую вызов западным представлениям о глобальном управлении и моральном универсализме" [Lo 2015: 9]. В отличие от схожих движений эпохи холодной войны этот новый антигегемонизм не отличается высокой степенью формализации и интенсивности, поскольку Россия, безусловно, не обладает привлекательной силой, идеологическим магнетизмом и экономическими ресурсами СССР. В то же время странам нет смысла сознательно противопоставлять себя атлантическим державам. Точно так же опасность однополярного мира была очевидна для всех прежде всего на примере принуждения с помощью насилия стран, выбившихся из общего политического ряда, таких как Ирак, Ливия и Сирия.

Возросла и угроза мобилизации западных финансовых и властных институтов в форме санкций. Экономическая война великих держав стала еще одним спосо-

бом участия в мировой политике в отсутствие действенного мирного порядка[19]. В последние годы появилась новая доктрина универсальной применимости американского права, предоставляющая США еще один способ использования своего подавляющего превосходства во всех важных аспектах власти в отношении остального мира [см., например, Zarate 2013]. Тем не менее антигегемонистские движения сохраняют определенную жизнеспособность. Критика "навязанной модели, представляющей себя как универсальная", приводит к "спросу на альтернативы" [War and Peace... 2015: 4]. Появление группы БРИКС часто интерпретируется как один из признаков того, что создается не столько гипотетический контргегемонистский альянс, сколько антигегемонистская сила, направленная против самой идеи гегемонизма [Global and Regional Leadership... 2016].

Нормативные и геополитические факторы сближают Россию и Китай. Ни Россия, ни Китай не пытаются учить других жить, исходя из своих собственных нормативных представлений. Но, как отмечает Федор Лукьянов, "отчасти из-за высокомерия, превосходящего даже западное, Китай уверен в своей исключительности. По мнению Пекина, иностранцы неспособны понять китайскую культуру и философию и потому нет смысла пытаться прививать им это"[20]. В более широком смысле Лукьянов подчеркивает, что с учетом американской политики нового типа сдерживания Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе ситуация в Евразии более благоприятна как сама по себе, так и в качестве альтернативного пути для Китая на рынки в Европе, Средиземноморья и за его пределами. Именно это легло в основу проекта "Новый Шелковый путь" (ныне известный как инициатива "Один пояс – один путь") и сопровождающего его плана инвестирования в транспортную инфраструктуру между Китаем и ЕС. По мнению Лукьянова, Китай не сильно заинтересован в наращивании политического влияния в Центральной Азии, где он готов пойти на уступки России, но, когда дело доходит до экономических вопросов, растущее превосходство Китая ставит его вне конкуренции. Для России сложившаяся ситуация включает как возможности, так и опасности. Лукьянов не разделяет опасений, что Россия станет "сырьевым придатком" Китая и тем самым ограничит свою свободу, что "является чисто субъективной оценкой, основанной на идеологических соображениях". Как он витиевато замечает, "По какой-то причине аналитики, указывающие на развитие и прогресс России, когда она играет роль сырьевого придатка Евросоюза, предупреждают о неизбежной отсталости страны, если она будет выполнять ту же функцию в отношении Китая"[21]. На практике Россия пыталась создать классическую балансирующую позицию в Евразии, хотя испорченные отношения с Западом ослабили ее переговорную позицию по отношению к Востоку. Здесь вновь отметим действие динамики преодоления, и, хотя ее проявление в создании Большой Европы померкло (по крайней мере в ближайшем будущем), при развитии Большой Евразии вполне могут быть реализованы принципы обоюдной пользы (*win–win*) и сотрудничества, стоявшие на повестке дня в конце холодной войны.

Россия находится в самом центре этих процессов, а Китай предпочитает держать порох сухим. Эта критическая позиция не означает, что Россия стала ревизионистской державой. Россия оспаривает классические постулаты либерального

[19] Leonard M. Connectivity Wars: Weaponising Interdependence. – *ECFR*. 2015. URL: http://www.ecfr.eu/europeanpower/geoeconomics (accessed 15.08.2017).

[20] Lukyanov F. Russia Must Exploit Its Pivot East. – *Moscow Times*. 26.06.2015.

[21] Ibidem.

интернационализма, одновременно утверждая, что ее участие в антигегемонистских проектах не отменяет этих принципов. Вместо этого Россия является "неоревизионистской". Она не ставит под сомнение систему международного права и управления, которая принесла ей солидные дивиденды, но критикует практику и явные злоупотребления со стороны "гегемонистских" держав. В отношении нее самой именно Запад стал ревизионистским, а не Россия. В равной степени Россия осуждает не принципы международного права и управления, а то, как они реализуются на практике. В отношениях с ЕС неоревизионизм России означает, что она не смогла стать пассивным рецепиентом норм ЕС и вместо этого стремилась вершить судьбы Европы [Haukkala 2008a; 2008b; 2009; Visvizi 2011]. Борьба идет не столько вокруг оспариваемых норм, сколько за прерогативу утвердить свои нормы как универсальные для Европы [Haukkala 2015].

Некоторые выводы

За четверть века "холодного мира" противоречия между трансформацией и расширением поддавались управлению, но не были урегулированы. ЕС не желал поступиться главенствующей ролью в Европе, но это его желание лидерства было со структурной позиции лишь частичным, поскольку развитие ЕС (в институциональном и концептуальном плане) ограничивалось его членством в атлантической системе, центр которой находился за пределами Европы. Это породило инволюцию в развитии различных форм континентализма (прежде всего продвигаемой Москвой идеи Большой Европы), которые бросили бы вызов атлантизму и позволили релизовать трансформацию. Основой этого была идея некой "Большой Европы", плюралистического видения панъевропейского континентализма. Монизм может принимать самые разные формы, но в этом контексте его использование позволяет утверждать, что модель "конца истории", объединенная в форме Атлантического альянса в конце холодной войны, исключила системный плюрализм, на который рассчитывали сторонники идеи трансформации международной политики. Вместо этого логика расширения привела к географической экспансии существующих институтов и их радикализации на домашней арене. Эта институциональная и идеологическая инволюция законсервировала практики холодной войны в расширяющейся атлантической системе, а когда та столкнулась с сопротивлением, весь аппарат холодной войны, включая военные, культурные, пропагандистские и дисциплинарные методы, быстро возродился. Оказалось, что "холодный мир" выполнил функцию "холодильника", в котором институты холодной войны сохранились целыми и готовыми к повторному использованию, когда конфликт вернулся на континент.

Неоревизионизм России направлен на смягчение практики морального универсализма в том, что воспринимается как произвольное применение карательных мер, а также на учет мировых проблем при задействовании механизмов глобального управления. Российский неоревизионизм является следствием тупика в развитии европейской политики трансформации, представляющей собой иную форму идеализма, отличную от той, что отождествляется с ЕС. Как это ни парадоксально, повестка трансформации, продвигаемая советскими и российскими лидерами, начиная с Горбачёва, может в конечном итоге стать наиболее реалистичным ответом на вызов установления подлинно общеевропейского миропорядка после холодной войны; в то же время расширение ЕС в рамках более широкой повестки расширения Атлантического сообщества в целом подрывает его нормативную специфичность и все чаще

принимает традиционные реалистические геополитические формы. Эта инверсия позволяет России продвигать нормативную повестку дня, основанную не только на классическом государственно-ориентированном "вестфальстве", но также на видении, основанном на перестройке и традиционных стремлениях преодолеть логику конфликта в Европе путем создания альтернативной антигегемонистской модели мирового порядка. Нормативное вмешательство России децентрализует ЕС как геополитически, так и идеологически.

Столкновение в Европе – лишь часть более общей проблемы плюрализма на глобальном уровне. Западные санкции ускорили тенденцию к поиску путей ослабления доллара, таких как переход к ценообразованию нефти на основе золота вместо долларов, что, впрочем, не означает отказа от глобальной экономической интеграции. Китай помог России противостоять санкциям, в то время как страны БРИКС начали создавать альтернативу международным институтам, контролируемым западными странами. Как это ни парадоксально, решение европейских конфликтов лежит за пределами Европы. Появление альтернативной глобализации не означает воспроизводства того, что все чаще рассматривается как западный монизм. Как отмечалось в Докладе клуба "Валдай", Атлантическое сообщество – уникальный пример ценностной унификации (то, что в настоящей статье называется монизмом). Незападные же державы в один голос подчеркивают важность многообразия, настаивают на том, что никакого единого набора признаков "современного государства и общества", общего знаменателя быть не может. Второй вариант больше соответствует условиям многополярного мира [War and Peace... 2015: 5]. В этом и заключается суть антигегемонистской стратегии как части нарастающего сопротивления России монизму в европейской и мировой политике. Эти события в Евразии и Большой Азии представляют собой способ, с помощью которого Россия может избежать ловушки монизма атлантической системы и сопутствующей инволюции Европы. Неспособность объединить континент сужает возможности Европы как автономного субъекта глобальной политики. Отсутствие единой Европы означает отсутствие реального участия Европы в глобальных делах.

Перевод С. Чугрова

Громыко А.А., Федорова В.П. 2014. *Большая Европа: Идеи, реальность, перспективы*. М.: Весь Мир. 698 с.

Browning C. 2005. Westphalian, Imperial, Neomedieval: The Geopolitics of Europe and the Role of the North. – *Remaking Europe in the Margins: Northern Europe after the Enlargements.* Ed. by C. Browning. P. 85-101.

Casier T. 2013. The EU–Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument. – *Europe–Asia Studies*. Vol. 65. No. 7. P. 1377-1395. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137

Charap S., Colton T. 2017. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. N.Y.: Routledge. 212 p.

Cohen S. 2017. *Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia*. N.Y.: I.B. Tauris & Co. 224 p.

Cooper R. 2003. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century.* L.: Atlantic books. 180 p. DOI: https://doi.org/10.2307/20033766

Copsey N., Pomorska K. 2014. The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership. – *Europe–Asia Studies*. Vol. 66. No. 3. P. 421-443. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136.2013.855391

De Ploeg C. 2017. *Ukraine in the Crossfire*. Atlanta: Clarity Press. 269 p.

Flockhart C. 2016. The Coming Multi-Order World. – *Contemporary Security Policy*. Vol. 37. No. 1. P. 3-30. DOI: https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1150053

Global and Regional Leadership of BRICS Countries. 2016. Ed. by Kingah S., Quiliconi C. Dordrecht: Springer. 281 p.

Grachev A. 2008. From the Common European Home to European Confederation. – *Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal*. Ed. by Bozo F., Rey M., Ludlow N., Nuti L. London, New York: Routledge. P. 207-219.

Hale H. 2005. Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. – *World Politics*. Vol. 58. No. 1. P. 133-165. DOI: https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019

Haukkala H. 2008a. A Norm-Maker or a Norm-Taker? The Changing Normative Parameters of Russia's Place in Europe. – *Russia's European Choice*. Ed. by T. Hopf. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan. P. 35-56. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230612587_3

Haukkala H. 2008b. The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy. – *Europe–Asia Studies*. Vol. 60. No. 9. P. 1601-1622. DOI: https://doi.org/10.1080/09668130802362342

Haukkala H. 2009. Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development. – *Europe–Asia Studies*. Vol. 61. No. 10. 2009. P. 1757-1775. DOI: https://doi.org/10.1080/09668130903278942

Haukkala H. 2015. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations. – *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 23. No. 1. DOI: https://doi.org/10.1080/14782804.2014.1001822

Kochenov D. 2008. *EU Enlargement and the Failure of Conditionality: Pre-Accession Conditionality in the Fields of Democracy and the Rule of Law*. The Hague: Kluwer Law International. 358 p.

Legvold R. 2016. *Return to Cold War*. Malden, MA: Polity Press. 208 p.

Lo B. 2015. Frontiers New and Old: Russia's Policy in Central Asia. –*Russie.Nei.Visions*. No. 82. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_82_central_asia_bobolo_eng_january_2015_0.pdf (accessed 10.10.2017)

Lynch A. 2016. The Influence of Regime Type on Russian Foreign Policy Toward "the West", 1992-2015. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 49. No. 1. P. 101-111. DOI: https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.004

Mälksoo M. 2013. Decentring the West from Within: Estonian Discourses on Russian Democracy. – *Decentring the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony*. Ed. by V. Morozov. Ühendkuningriik: Ashgate Publishing. P. 157-173.

Maresceau M. 2004. EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous yet Unavoidable Connection. – *EU Enlargement: A Legal Approach*. Ed. by Ch. Hillion. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publ. P. 181-220.

Monaghan A. 2015. *A 'New Cold War'? Abusing History, Misunderstanding Russia*. L.: Chathan House. 16 p.

Prozorov S. 2016. *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. N.Y.: Palgrave MacMillan. 210 p.

Rey M. 2008. Gorbachev's New Thinking and Europe, 1985-1989. –*Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal*. Ed. by Bozo F., Rey M., Ludlow N., Nuti L. P. 23-35.

Rumelli B. 2004. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation.– *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 24-47. DOI: https://doi.org/10.1017/S0260210504005819

Sakwa R. 2008. 'New Cold War' or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics'. – *International Affairs*. Vol. 84. No. 2. P. 241-267. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00702.x

Sakwa R. 2010. Russia and Turkey: Rethinking Europe to Contest Outsider Status. – *Russie.Nei.Visions*. No. 51. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrisakwarussiaturcgreatereuropeengmay2010.pdf (accessed 15.08.2017).

Sakwa R. 2013. The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War. – *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 26. No. 1. P. 203–224. https://doi.org/10.1080/09557571.2012.710584

Sakwa R. 2014. *Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia*. London, New York: Routledge. 254 p.

Sakwa R. 2017. *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge University Press*. Cambridge: Cambridge University Press. 372 p. DOI: https://doi.org/10.1017/9781316675885

Sarotte M. 2014. A Broken Promise? What the West Really Told Moscow about NATO Expansion. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 5. P. 90-97. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-11/broken-promise (проверено 07.10.2017).

Sarotte M.E. 2009. *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton: Princeton University Press. 321 p.

Stoner K., McFaul M. 2015. Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin. – *The Washington Quarterly*. Vol. 38. No. 2. P. 167-187. DOI: https://doi.org/10.1080/0163660X.2015.1064716

The European Neighbourhood Policy in Perspective: Context, Implementation and Impact. 2010. Ed. by Whitman R., Wolff S. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 296 p. https://doi.org/10.1057/9780230292284

Visvizi A. 2011. Haukkala H. (2010) The EU–Russia Strategic Partnership: The Limits of Post-Sovereignty in International Relations. – *Journal of Contemporary European Research*. Vol. 7. No. 2. P. 293-295. DOI: https://doi.org/10.1080/10848770.2012.721745

Waltz K. 2000. Structural Realism after the Cold War. – *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5-41. URL: http://www.jstor.org/stable/2626772 (проверено 06.10.2017)

War and Peace in the 21st Century: A New International Balance as the Guarantee of Stability. 2015. *Materials for Discussion at the 12th Annual Meeting of the Valdai Discussion Club*, Sochi, 19-22 October, p. 2. URL: http://valdaiclub.com/publications/reports/international-stability-and-balance-of-the-new-type/ (проверено 15.08.2017).

Zarate C. 2013. *Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*. New York: PublicAffairs. 336 p.

Zielonka J. 2006. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press. 304 p. DOI: https://doi.org/10.1093/0199292213.001.0001

Zielonka J. 2008. Europe as a Global Actor: Empire by Example? – *International Affairs*. Vol. 84. No. 3. P. 471-484. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x

Zwolski K. 2016. Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order. – *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 3. P. 645-661. DOI: https://doi.org/10.1111/jcms.12489

DOI: 10.17976/jpps/2017.06.02

ONE EUROPE OR NONE: INVOLUTION AND MULTIPOLARITY

R. Sakwa[1]

[1]*University of Kent. Canterbury, Great Britain*

SAKWA Richard, Professor of Russian and European Politics, University of Kent, Great Britain. Email: R.Sakwa@kent.ac.uk

Sakwa R. One Europe or None: Involution and Multipolarity. – Polis. Political Studies. 2017. No. 6. P. 8-24. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.02

Received: 07.07.2017. Accepted: 05.09.2017

Abstract. The crisis in relations between Russia and the European Union (EU) is part of the broader breakdown of the post-Cold War peace and security order. The cold peace between 1989 and 2014 increasingly demonstrated the tensions in that order, and the Ukraine crisis was a symptom of that breakdown. Four fundamental interlinked

processes shape the crisis: the logic of non-negotiated enlargement; the radicalisation of a monist vision of Europe; the failure to develop the ideational or institutional framework for some sort of greater European integration project; and the ensuing attempts to create the foundations of an anti-hegemonic alignment as part of a nascent multipolar world order. The involution of pan-European idealism created a divided continent and accelerated strivings for multipolarity. Russia's neo-revisionism seeks to temper the practical application of moral universalism in what are perceived to be arbitrary and punitive ways, while ensuring that the instruments of global governance really do reflect global concerns. The clash in Europe is only part of the broader challenge of representing pluralism at the global level. Eurasian and greater Asia developments represent a way for Russia to escape entrapment in the monism of the Atlantic system and the attendant involution of Europe. The failure to create a unified Europe means that Europe can no longer be considered an autonomous subject of global politics. The lack of one Europe means no substantive Europe in global affairs.

Keywords: monism; involution; Cold War; cold peace; pluralism; greater Europe; multipolarity.

References

Browning C. Westphalian, Imperial, Neomedieval: The Geopolitics of Europe and the Role of the North. – *Remaking Europe in the Margins: Northern Europe after the Enlargements*. Ed. by C. Browning. 2005. P. 85-101.

Casier T. The EU–Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument. – *Europe–Asia Studies*. 2013. Vol. 65. No. 7. P. 1377-1395. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137

Charap S., Colton T. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. N.Y.: Routledge. 2017. 212 p.

Cohen S. *Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia*. New York: I.B. Tauris & Co. 2017. 224 p.

Cooper R. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. London: Atlantic books. 2003. 180 p. DOI: https://doi.org/10.2307/20033766

Copsey N., Pomorska K. The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership. – *Europe–Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 3. P. 421-443. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136.2013.855391

De Ploeg C. *Ukraine in the Crossfire*. Atlanta: Clarity Press. 2017. 269 p.

Flockhart C. The Coming Multi-Order World. – *Contemporary Security Policy*. 2016. Vol. 37. No. 1. P. 3-30. DOI: https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1150053

Global and Regional Leadership of BRICS Countries. Ed. by Kingah S., Quiliconi C. Dordrecht: Springer. 2016. 281 p.

Grachev A. From the Common European Home to European Confederation. –*Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal*. Ed. by Bozo F., Rey M., Ludlow N., Nuti L. London, New York: Routledge. 2008. P. 207-219.

Gromyko A.A., Fedorova V.P. *Bol'shaya Evropa: Idei, real'nost', perspektivy* [The Bigger Europe: Idea, Reality, Prospects]. Moscow: Ves' Mir Publ. 2014. 698 p. (In Russ.)

Hale H. Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. – *World Politics*. 2005. Vol. 58. No. 1. P. 133-165. DOI: https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019

Haukkala H. A Norm-Maker or a Norm-Taker? The Changing Normative Parameters of Russia's Place in Europe. – *Russia's European Choice*. Ed. by T. Hopf. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan. 2008. P. 35-56. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230612587_3

Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations. – *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. No. 1. DOI: https://doi.org/10.1080/14782804.2014.1001822

Haukkala H. Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development. – *Europe–Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No. 10. P. 1757-1775. DOI: https://doi.org/10.1080/09668130903278942

Haukkala H. The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy. – *Europe–Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 9. P. 1601-1622. DOI: https://doi.org/10.1080/09668130802362342

Kochenov D. *EU Enlargement and the Failure of Conditionality: Pre-Accession Conditionality in the Fields of Democracy and the Rule of Law*. The Hague: Kluwer Law International. 2008. 358 p.

Legvold R. *Return to Cold War*. Malden, MA: Polity Press. 2016. 208 p.

Lo B. Frontiers New and Old: Russia's Policy in Central Asia. –*Russie.Nei.Visions*. 2015. No. 82. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_82_central_asia_bobolo_eng_january_2015_0.pdf (accessed 10.10.2017)

Lynch A. The Influence of Regime Type on Russian Foreign Policy Toward "the West", 1992-2015. – *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1. P. 101-111. DOI: https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.004

Mälksoo M. Decentring the West from Within: Estonian Discourses on Russian Democracy. – *Decentring the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony*. Ed. by V. Morozov. Ühendkuningriik: Ashgate Publishing. 2013. P. 157-173.

Maresceau M. EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous yet Unavoidable Connection. – *EU Enlargement: A Legal Approach*. Ed. by Ch. Hillion. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publ. 2004. P. 181-220.

Monaghan A. *A 'New Cold War'? Abusing History, Misunderstanding Russia*. L.: Chathan House. 2015. 16 p.

Prozorov S. *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. N.Y.: Palgrave MacMillan. 2016. 210 p.

Rey M. Gorbachev's New Thinking and Europe, 1985-1989. – *Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal*. Ed. by Bozo F., Rey M., Ludlow N., Nuti L. Routledge. 2008. P. 23-35.

Rumelli B. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation.– *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 1. P. 24-47. DOI: https://doi.org/10.1017/S0260210504005819

Sakwa R. 'New Cold War' or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics'. – *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 2. P. 241-267. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00702.x

Sakwa R. *Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia*. London, New York: Routledge. 2014. 254 p.

Sakwa R. *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge University Press*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 372 p. DOI: https://doi.org/10.1017/9781316675885

Sakwa R. Russia and Turkey: Rethinking Europe to Contest Outsider Status. –*Russie.Nei.Visions*. 2010. No. 51. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrisakwarussiaturcgreatereuropeengmay2010.pdf (accessed 15.08.2017).

Sakwa R. The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War. – *Cambridge Review of International Affairs*. 2013. Vol. 26. No. 1. P. 203–224. https://doi.org/10.1080/09557571.2012.710584

Sarotte M. A Broken Promise? What the West Really Told Moscow about NATO Expansion. – *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. No. 5. P. 90-97. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-11/broken-promise (проверено 07.10.2017).

Sarotte M.E. *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe*. Princeton: Princeton University Press. 2009. 321 p.

Stoner K., McFaul M. Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin. – *The Washington Quarterly*. 2015. Vol. 38. No. 2. P. 167-187. DOI: https://doi.org/10.1080/0163660X.2015.1064716

The European Neighbourhood Policy in Perspective: Context, Implementation and Impact. Ed. by Whitman R., Wolff S. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2010. 296 p. https://doi.org/10.1057/9780230292284

Visvizi A. Haukkala H. (2010) The EU–Russia Strategic Partnership: The Limits of Post-Sovereignty in International Relations. – *Journal of Contemporary European Research*. 2011. Vol. 7. No. 2. P. 293-295. DOI: https://doi.org/10.1080/10848770.2012.721745

Waltz K. Structural Realism after the Cold War. – *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5-41. URL: http://www.jstor.org/stable/2626772 (проверено 06.10.2017)

War and Peace in the 21st Century: A New International Balance as the Guarantee of Stability. *Materials for Discussion at the 12th Annual Meeting of the Valdai Discussion Club*, Sochi, 19-22 October 2015, p. 2. URL: http://valdaiclub.com/publications/reports/international-stability-and-balance-of-the-new-type/ (проверено 15.08.2017).

Zarate C. *Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*. New York: PublicAffairs. 2013. 336 p.

Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? – *International Affairs*. 2008. Vol. 84. No. 3. P. 471-484. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x

Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press. 2006. 304 p. DOI: https://doi.org/10.1093/0199292213.001.0001

Zwolski K. Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order. – *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 55. No. 3. P. 645-661. DOI: https://doi.org/10.1111/jcms.12489